

13. **Заславская, Т. И.** Социум, перестройка и общественное мнение / Т. И. Заславская // Социологические исследования. – 1991. – № 8. – С. 10–12.

14. **Основы** экономической теории: учеб. пособие / М. А. Абрамова [и др.]; под ред. В. Д. Камаева. – М.: МГВТУ им. Н. Э. Баумана, 1996. – 283 с.

15. **Бичик, С. В.** Основы экономической теории / С. В. Бичик. – Минск: Университетское, 2001. – 237 с.

16. **Политэкономический** словарь / под ред. Е. Ф. Борисова, В. А. Жамина, М. Ф. Макаровой. – М.: Политиздат, 1982. – 363 с.

17. **Прохоренко, И. Д.** Политическая экономия / И. Д. Прохоренко. – Минск: Вышэйш. шк., 1991. – 207 с.

18. **Мезоэкономика:** учеб. пособие / под ред. И. К. Ларионова. – М.: Издательский дом «Дашков и К», 2001. – 444 с.

19. **Зубко, Н. М.** Экономическая теория / Н. М. Зубко. – 2-е изд. – Минск: НТЦ АПИ, 1999. – 311 с.

20. **Вожжев, А. П.** Модели экономических систем. Бизнес: нестандартные сферы / А. П. Вожжев. – М.: Знание, 1991. – 64 с.

21. **Козырев, В. М.** Основы современной экономики: учеб. / В. М. Козырев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 432 с.

22. **Никитенко, П. Г.** Методические рекомендации по оценке эффективности использования в народном хозяйстве республики результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ / П. Г. Никитенко, И. И. Сержинский, В. А. Колотухин. – Минск: НООО «БІП – С», 2003. – 31 с.

23. **Соколова, Г. Н.** Экономическая социология: учеб. для социолог. и экон. спец. вузов / Г. Н. Соколова. – Минск: Вышэйш. шк., 1998. – 367 с.

Поступила 5.05.2007

УДК 177:17.03

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ М. ХАЙДЕГГЕРА И Ж. П. САРТРА О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРОБЛЕМАХ ТЕХНОГЕНЕЗА

Канд. филос. наук, доц. МУШИНСКИЙ Н. И.

Белорусский национальный технический университет

В настоящее время развитие науки и техники затрагивает все стороны социальной жизни, поэтому глобальные техногенные проблемы недопустимо редуцировать исключительно к вопросам экологии (чернобыльская катастрофа и т. п.), решаемым на уровне государственного управления конкретными природоохранными мероприятиями. В широком смысле все социальные и политические потрясения XX ст. (мировые войны, революции, глобальное противостояние «двух систем», международный терроризм) имеют техногенный характер. Они проистекают из фундаментального несоответствия между уровнем технологии (развитием средств коммуникации, транспорта и связи, еще в середине XIX в. окончательно объединивших человечество в планетарном масштабе) и нравственной неготовностью к справедливому и равноправному взаимовыгодному сотрудничеству. Именно поэтому проблема справедливости привлекает в современных ус-

ловиях столь пристальное внимание ведущих представителей мировой этико-философской мысли. Представители религиозного экзистенциализма (С. Кьеркегор, Н. Бердяев, К. Ясперс) пришли к выводу о том, что, сталкиваясь с техногенными проблемами, каждый человек вынужден самостоятельно осмысливать пути их решения на основе принципов справедливости и, полностью принимая на себя ответственность, предлагать свое понимание справедливости всему человечеству. Задача общества состоит в том, чтобы предоставить отдельному индивиду свободу творческого саморазвития и, разумно оценив все предлагаемые проекты, выработать процедуру объективного отбора и реализации тех из них, которые отражают справедливость в ее общезначимом ценностном содержании. В подобном контексте радикально трансформируется религиозная проблематика, «Бог» утрачивает свою традиционную техницистскую интерпретацию в катего-

риях господства по образцу феодального владыки или восточного деспота, становится поэтическим символом свободной творческой активности индивида, олицетворяющим его стремление к подлинной справедливости.

Однако экзистенциализм является обширным и многогранным этико-философским направлением. Многие его представители (М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр) не обращались к религиозной проблематике непосредственно, однако продолжали всесторонне обсуждать критерии справедливого существования в контексте техногенного кризиса современной эпохи.

Анализ проблем техногенеза занимает важное место в экзистенциальной онтологии М. Хайдеггера, затрагивающей фундаментальные основания человеческого бытия. Творчество этого мыслителя имеет разносторонний характер, через философию языка и категорию «понимания» выходит на исследовательский уровень философской герменевтики, поэтому однозначно отнести его к экзистенциализму не вполне корректно. На это обращал внимание и сам М. Хайдеггер, критиковавший бездумное и поверхностное использование термина «экзистенция» («существование») для обозначения бытия [1, с. 69; 2, с. 200]. Тем не менее большинство современных исследователей считают допустимой подобную классификацию [3]. По их мнению, именно через «философию бытия», осмысленную с точки зрения прикладных критериев справедливости, в хайдеггеровском наследии можно обнаружить общую преемственность с идеями многих философов-экзистенциалистов. Категории «бытия», «существования» и «понимания» диалектически взаимосвязаны между собой: «Фундаментальная онтология М. Хайдеггера рассматривает существование человека как базисное бытийное условие его активности. Человеческое бытие соединяет в себе два начала – бытие в физическом мире и бытие в сознании. Поэтому оно является исходной точкой, отталкиваясь от которой можно понимать мир» [4, с. 53]. Именно с этих позиций немецкий философ интерпретирует проблемы техногенеза.

Сущность философствования Хайдеггер видит в осмыслении «основного вопроса метафизики»: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?» Этот сакраментальный во-

прос в принципе не имеет ответа, однако само состояние подобного вопрошания служит основой «понимающего бытия-в-мире», раскрывает подлинную человеческую экзистенцию. Большинство людей, будучи погружено в обыденность неподлинного существования (Man), не осознает бытийной проблематики, игнорирует ее. «И все же всякого... задевает скрытая сила этого вопроса... Он может вдруг глухо ударить, как колокол, вызвучивая нашу сиюбытность (Dasein)» [1, с. 87]. Предпосылками экзистенциального вопрошания являются пограничные состояния личности: порывы отчаяния, безудержное ликование, скука и отвращение на фоне повседневности. Обращаясь к сущности бытия, субъект всякий раз находит новые ответы, попутно осознавая все более частные вопросы, волнующие человека с точки зрения его бытийного понимания, раскрывает тем самым свою творческую уникальность и самобытность.

Подобный подход, утверждает М. Хайдеггер, был заложен еще в эпоху античной архаики, когда происходило становление западноевропейской духовности, вычленение ее на фоне мифологического мировосприятия. Ранние греческие мыслители обладали бытийственной интуицией, еще не замутненной более поздними техногенными инсинуациями. В диалектической философии Гераклита «все течет, все изменяется» бытийная субстанция непрерывно разворачивается в рамках сущего как творческий «огонь-Логос». Парменид интуитивно рассматривал бытие как саморазвивающуюся природу – «фюсис», связанную с философским вопрошанием, все новыми попытками ее осмысления, предметного овладения ею. В это время и «техника» понималась по-иному: «Фюсис суживается, будучи противопоставлена технэ, которая значит не искусство, не техника, а знание или знающее... управление созданным... Технэ есть производство, устройство, имеющее смысл знающего произведения (Hervor-bringen)» [1, с. 100]. Однако впоследствии, считает М. Хайдеггер, произошла искаженная «технизация» философского мышления. На смену гераклитовскому «Логосу» пришла формальная «логика», опирающаяся на застывшие интеллектуальные структуры, игнорирующая процесс непрерывного творческо-

го вопрошания, саморазвертывания мысли. Эта тенденция, по мнению немецкого философа, проявилась уже в эпоху поздней античности, достигла невиданного расцвета в условиях промышленного переворота Нового времени, и продолжает преобладать в XX ст. «От философии ждут... ускорения... технического прогресса» [1, с. 95], связывают ее с методологией естествознания, не понимают ее подлинного предназначения инициировать духовную активность личности. Человечество теряет возможность инновационных решений, не замечает проблем техногенеза, не может эффективно преодолевать их на основе принципов справедливости.

Особенности техногенного существования, которые служат источником «пограничных ситуаций» и порождают несправедливость во всех ее многообразных формах, теоретически раскрываются также в основных произведениях Ж. П. Сартра, одного из ведущих представителей французского экзистенциализма. Проблема состоит в том, что позитивная наука изначально занята поиском «всеобщего»; она стремится открыть для себя «законы мироздания», чтобы с помощью техники подчинить окружающую природу своей власти. Это и создает ситуацию, когда сущность имеет приоритет перед существованием, что заставляет игнорировать техногенные проблемы, влияющие на жизнь отдельного конкретного человека. Любое техническое приспособление, к примеру нож для разрезания бумаги, по мнению Ж. П. Сартра, наглядно демонстрирует подобное отношение к окружающему миру. Этот нож «был сделан ремесленником, который руководствовался... заранее известной техникой... Следовательно... у ножа его сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить... предшествует его существованию... В этом случае мы имеем дело с техническим взглядом на мир» [5, с. 321–322]. Подобный стереотип переносится и на самого человека, который тоже начинает рассматриваться как «вещь», перестает быть свободной творческой личностью и в этом качестве легко становится объектом несправедливого к себе отношения.

По мнению Ж. П. Сартра, технократический взгляд на мир и на «человека-в-мире» на-

чал формироваться еще в глубокой древности, в эпоху становления западноевропейской техногенной цивилизации. Так, в рамках традиционной религиозности принципы креационизма и эсхатологии предполагают, что в сознании Бога (Демииурга – творца всего сущего), обладающего «техническими приемами», как и для чего создать человека, этот «венец творения» по сути ничем не отличается от ножа для разрезания бумаги, представленного в сознании изготовившего его ремесленника. Подобный обезличенный технократический подход впоследствии закрепился в западной духовной культуре, приобрел особую остроту с началом промышленного переворота и техногенного кризиса современности. В настоящее время философы могут трактовать сущность человека как совокупность экономических отношений (марксизм) или высшую форму реализации «жизненного порыва», «воли к власти» (ницшеанство). Независимо от этого сущность остается важнее существования, что неизбежно ведет общество ко всеобщей конфронтации, лишает отдельную личность свободной творческой инициативы, заставляет утверждать, что у каждой социальной системы своя справедливость, и прав тот, кто сильнее в военнотехнологическом отношении.

Как указывает М. Хайдеггер, проблема бытия вовсе не является областью абстрактных метафизических рассуждений. Ее «недопонимание» служит непосредственным источником роста агрессивности в современном обществе. «Мировые войны» с их «тотальностью» суть уже следствия бытийной оставленности» [2, с. 188]. Прогресс науки и технологии в настоящее время охватил все стороны человеческой жизни и породил глобальное геополитическое противостояние. «Европа... находится сегодня в гигантских тисках между Россией... и Америкой... Россия и Америка суть, с метафизической точки зрения, одно и то же; безысходное неистовство разнузданной техники и построенного на песке благополучия среднего человека. Если самый последний уголок земного шара завоеван техникой и разрабатывается экономически... именно тогда всю эту блажь перекрывает призрак вопроса: зачем? – куда? – дальше что?» [1, с. 119–120]. Современное человечество не имеет каких-либо ответов, более

того, даже не озабочено подобным вопрошанием, поскольку высокая духовность принижена до прикладных интеллектуальных способностей, а философия поставлена на службу естествознанию и дальнейшей гонке за технологическими приоритетами. Западная демократия борется с авторитарными режимами, и все они одинаково далеки от подлинного понимания принципов справедливости. «Дух, фальсифицированный... в интеллектуальную способность, низводится до роли инструмента... Относится ли это служение интеллекта к... овладению материальными производственными отношениями (как в марксизме) или вообще... к разъяснению... уже устоявшегося (как в позитивизме), или же оно осуществляется в управлении жизненной массой и расой какого-нибудь народа... дух... становится бессильной надстройкой над чем-то иным, что... считается собственно действенным» [1, с. 128]. Теория справедливости истолковывается пропагандой каждой из враждующих сторон в свою пользу, а подлинная духовность, которая могла бы дать адекватное и общезначимое толкование справедливости, вытесняется в область «культуры». В обстановке тотального планирования культура является непозволительной роскошью, существует «сама в себе» (поэзия для поэзии, искусство для искусства и т. п.) и всегда финансируется по остаточному принципу. Когда «дух в качестве подсобного интеллекта и дух в качестве культуры становятся... предметами роскоши и декора» [1, с. 128], то все согласны, что хорошо быть культурными людьми, но денежные средства уходят на более насущные нужды, связанные с достижением военно-технического превосходства.

Технократическое искажение принципов справедливости, делает вывод М. Хайдеггер, неуклонно ведет человечество к самоуничтожению. «Духовный упадок Земли зашел так далеко, что народам угрожает потеря последней духовной силы, которая одна бы еще могла помочь этот упадок, [касающийся судьбы «бытия»,] по крайней мере разглядеть... ибо помрачение мира... скучивание людей в массы, подозрение и ненависть ко всему творческому уже достигло по всей Земле такого масштаба, что... пессимизм и оптимизм давно стали смешными» [1, с. 120]. Наука, сведенная к ес-

тествознанию, обслуживающему потребности дальнейшего технического прогресса, рассматривается как путь к счастью человечества. Однако ее бесконтрольное неуправляемое саморазвитие инициирует невиданные ранее силы разрушения. «Век, который сейчас начинается, недавно был назван атомным. Его самое неотступное знамение – атомная бомба» [6, с. 106]. В начале третьего тысячелетия развитые страны предпринимают отчаянные усилия по нераспространению ядерного оружия (поскольку тем самым увеличивается угроза его случайного применения). Однако при этом существенно ограничивается право стран «третьего мира» на мирное использование энергии ядерного синтеза, навечно закрепляется их второстепенный технологический статус, в значительной степени нарушаются принципы справедливости.

На самом деле технический прогресс уже давно вышел за пределы человеческого волеизъявления, движется по собственным законам. М. Хайдеггер заранее предупреждал: «Затормозить исторический ход атомного века... не может ни один человек... ни одна комиссия выдающихся государственных деятелей, ученых и инженеров, ни одна конференция» [6, с. 108]. Аналогичным образом в XIV ст. феодальные правительства пытались законодательно запретить использование огнестрельного оружия, позже «луддиты» разрушали фабричные станки, лишившие их рабочих мест и т. п. История показала бессмысленность подобных попыток. Тем опаснее становится современная ситуация, когда масштаб процессов техногенеза достиг глобального уровня.

Мировые войны в XX ст. показали, что естествознание, поставленное на службу гонке вооружений, не способно осмысливать сущностные аспекты человеческого «бытия-в-мире», находить адекватные и общезначимые критерии справедливости. В результате возникают все новые техногенные проблемы, этот процесс приобретает спонтанный и непрерывный характер. Основная опасность заключена даже не в вооруженном противостоянии. С удивительной прозорливостью М. Хайдеггер объясняет, что глобальная ситуация имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению: «Почему? Потому лишь, что внезапно разразится третья

мировая война, которая приведет к полному уничтожению человечества?.. Нет. Наступающий атомный век грозит нам еще большей опасностью, как раз в том случае, если опасность третьей мировой войны будет устранена... В каком смысле?.. А в том, что... техническая революция... сможет... обмануть человека так, что однажды вычисляющее мышление останется единственным... способом мышления. Тогда... полная бездумность... может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования» [6, с. 110–111]. В подобной ситуации все интеллектуальные усилия концентрируются на решении с помощью новых «средств механизации» сиюминутных прикладных задач, общий же смысл бытия остается за гранью понимания. Не имея общезначимых критериев справедливости, люди и государства поглощены конкуренцией за технологические приоритеты, неосознанно вводят в действие все новые разрушительные факторы и даже не находят времени задуматься о последствиях, оценить бытийственную ситуацию отстраненно, с философских позиций.

Следует отметить, что М. Хайдеггер далек от каких-либо проявлений технофобии. Пытаться остановить прогресс естествознания и техническое инновационное развитие бессмысленно; человечество, достигнув современной численности, не выживет без поддержки высоких технологий. Речь идет о том, что насущные потребности не должны подавлять творческую духовную сторону личности, приносить ее до уровня неподлинного существования: «Страшно на самом деле не то, что мир становится полностью технизированным. Гораздо более жутким является то, что человек не подготовлен к этому изменению мира» [6, с. 108]. Современность показывает, что по мере устранения какого-то одного противоречия ему на смену приходят новые техногенные проблемы. К примеру, после завершения «холодной войны», преодоления опасности всеобщего ракетно-ядерного конфликта, третьей мировой войны (о которой говорил М. Хайдеггер), уже обозначились опасность международного терроризма и глобальное техногенное потепление климата. Можно предположить, что подобные проблемы будут возникать

и в дальнейшем; человечество же проявляет полную неготовность творчески осмысливать бытийную ситуацию как таковую и решать имплицитно заложенные в ней противоречия коренным образом на основе общезначимых принципов справедливости.

Источник глобального кризиса скрыт не в области инновационных технологий, а в сфере духа. Человеческий разум, считает М. Хайдеггер, должен перестать ограничивать себя решением прикладных технических задач, обратиться к глубинным поискам смысла, вернуть себе способность абстрактно-философского вопрошания. «Смысл мира техники скрыт от нас. Но давайте же... будем обращены к тому, что этот сокрытый смысл повсюду нас затрагивает в мире техники... Я называю поведение, благодаря которому мы открываемся для смысла, потаенного в мире техники, открытостью для тайны» [6, с. 110]. Процесс философского вопрошания создает предпосылки для решения любых техногенных проблем, которые существуют в настоящем и могут возникнуть в будущем. Постигая потаенный смысл бытия, человечество сможет объединить свои усилия для решения действительно важных жизненных вопросов на условиях справедливого участия.

Технократическая проблематика, по мысли М. Хайдеггера, связана с теорией справедливости генетически. Эпоха становления античной духовности, вычленения бытийной самости в контексте мифологического мировосприятия уже обладала глубинной соотнесенностью онтических оснований творческого личностного существования с персоналией дике-справедливости. «Греки интуитивно догадывались об этой внезапности и единственности сиюбытности (Dasein), к коим они понуждались самим бытием, открывающимся им как фюсис, логос и дике» [1, с. 239]. Как известно, в рамках античной мифологии Дика является богиней справедливости, дочерью Зевса и Фемиды. Зевс (Индра, Тор, Перун и т. п.) – это бог-громовержец, верховный из олимпийских богов, символизирующий небесную водную стихию, культ которого связан с освоением первобытными народами техники подсечного земледелия. Показательны также его внешние атрибуты – гром и молния, олицетворяющие

карающую справедливость и божественное всемогущество. Фемида – богиня правосудия, дочь Урана (неба) и Геи (матери-земли, символ плодородия). Ее генеология тоже с очевидностью связана с возникновением примитивных земледельческих технологий. Таким образом, идея справедливости присутствует у самых истоков техногенного развития (дике дословно переводится с греческого языка как справедливость), символизирует открытость зарождающегося философского мышления для постижения глубинных тайн бытия, готовность разума осмысливать все новые бытийственные аспекты по мере их актуализации.

Однако впоследствии техногенез внес в трактовку справедливости элемент инструментализма, лишил ее возвышенной общефилософской значимости. В условиях современного техногенного кризиса возникает задача восстановить утраченные аспекты. «Если дике перевести как "справедливость" и понимать ее морально-юридически, тогда слово потеряет свое метафизическое содержание. То же самое относится к толкованию дике как нормы... Бытие, фюсис... есть изначальная собранность: логос, налаживающий лад: дике. Так... сверхвластительное (дике) и... властидеятельное (технэ) противостоят друг другу... Это противостояние... в том, что технэ восстает против дике, которая... будучи ладом, имеет власть сладить (*verfugt*) со всякой технэ» [1, с. 236]. Тем самым дике-справедливость, восстанавливая открытость человеческого «бытия-в-мире», становится основой решения техногенных проблем современности, причем не в абстрактно-метафизическом, а во вполне конструктивном прикладном смысле.

Онтическая значимость справедливости аналогично представлена и в латинизированной транскрипции указанного понятия. Здесь М. Хайдеггер в очередной раз затрагивает проблему понимания, которая призвана придать гуманитарно-философскому знанию объективно-достоверный характер, уравнивать его в правах с естественными науками. «Достоверность... есть *iustitia* в смысле оправдания отношения к сущему и к его первой причине... *Iustificatio*... и ницшевское понятие справедливости как истины – одно и то же» [2, с. 184]. Герменевтическая онтология Хайдеггера вно-

сит важный вклад в осмысление техногенных проблем современного социума, создает возможности для их решения на основе принципов справедливости.

Сходные выводы также делают представители французского экзистенциализма. В частности, Ж. П. Сартр отмечает, что именно категория существования отражает подлинное творческое бытие человека в «пограничных ситуациях» техногенеза; она непосредственно обусловлена открытостью человеческого сознания общезначимым инновационным трактовкам справедливости; «онтология... открывает нам в действительности происхождение и природу ценности» [7, с. 624]. Поскольку сложившиеся в эпоху промышленного переворота трактовки справедливости окончательно завели человечество в тупик мировых войн и всеобщего угнетения, указывает французский философ, то каждому предстоит самостоятельно осмыслить свое место в мире и, полностью приняв на себя ответственность, заново постичь с позиций гуманизма и взаимной терпимости, что такое подлинная справедливость.

С точки зрения «пограничных ситуаций» современности, на Сартра особое впечатление произвели катастрофическое поражение Франции в начале Второй мировой войны, установление нацистского оккупационного режима, а также агрессивная и явно несправедливая французская колониальная политика в Алжире и Индокитае в послевоенный период [8]. Техногенный характер подобных противоречий очевиден: по мере развития технических средств коммуникации (транспорта и связи) обострилось противостояние промышленно развитых государств друг с другом и со странами «третьего мира». Такого рода проблемы неоднократно проявлялись не только во Франции и ее колониях, но и в других регионах планеты; они приобрели особую актуальность в эпоху «холодной войны» и с появлением международного терроризма, поэтому мысли, высказанные Сартром по поводу справедливости, по-прежнему сохраняют свою значимость.

Технократическое существование современного социума является тем общим пунктом, который органично соединяет сартровскую этику с эстетикой экзистенциализма. Как метод литературного творчества экзистенциализм

предполагает погружение в человеческую субъективность, отказ от авторского назидательного тона и одноплановой сюжетной линии. Имеет место непосредственное обращение к внутреннему миру читателя, инициирование его собственной смыслообразующей активности. Литературное творчество с точки зрения субъект-объектной структуры теряет одномерность и однонаправленность, становится подлинным выражением свободы написания и свободы прочтения написанного. В литературном процессе отражается свобода творчества как универсальная характеристика бытия-в-мире: «Человек не может быть то свободным, то рабом – он полностью и всегда свободен или его нет» [7, с. 452]. Проблема состоит в том, что в рамках своего «неподлинного существования» субъект, как правило, опирается на мнения окружающих, избегает ответственности за принятие самостоятельных решений. Поэтому и в качестве читателя он стремится получить от автора готовую точку зрения, совпадающую с привычными стереотипами и призванную выполнять чисто развлекательную функцию неожиданными сюжетными поворотами и стилистическими изысками. Средний человек не способен понять, что даже повседневная обыденность в эпоху техногенных потрясений может стать источником несправедливости в общечеловеческом масштабе. То, что неразвитый индивид не пользуется личной свободой, не стремится активно творить новые, более справедливые формы общественных отношений, вовсе не снимает с него моральной ответственности за происходящее. В условиях техногенного кризиса «если он создает несправедливый мир и поддерживает его существование, то он не может уйти от ответственности за это» [9, с. 55]. Поэтому развлекательность сюжетных перипетий, уводящих читателя от реальности в мир вымышленных литературных коллизий, теряет всякий смысл, так же как и попытка найти в искусстве некую четко очерченную моральную установку, выраженную в авторской позиции и совпадающую с традиционной шкалой ценностей.

Задача автора литературного произведения в эпоху техногенного кризиса состоит в том, чтобы пробудить человеческое самосознание, дать толчок к самостоятельному осмыслению

происходящих вокруг процессов, раскрытию и преодолению глубинных источников несправедливости в мире. Причем осмысление должно происходить не созерцательно (установка картезианского реализма в литературе), а становиться предпосылкой активных действий по преодолению всего негативного. Творческая предметно-преобразующая деятельность в условиях техногенного существования становится универсальным атрибутом бытия «в-себе» и «для-себя», охватывает все стороны свободной личностной самореализации. «Под действиями нужно понимать всю синтетическую активность личности... Например, тренировка боксера есть действие, поскольку она наполняет и поддерживает Для-себя... То же самое справедливо для исканий ученого, для работы художника, для избирательной кампании политика» [7, с. 191]. Стремление инициировать творческую личностную активность, направленную на поиск конструктивных оснований справедливости в современном технократическом мире, дает автору право описывать, «создавать» несправедливости в своих произведениях: «Как писатель... может хотеть быть причастным к несправедливостям, которые существуют в этом мире? Однако, приходится. Но если он согласен стать творцом несправедливостей, то только при условии их уничтожения» [9, с. 55]. Создавая ощущение экзистенциального одиночества, тошноты, заброшенности в этот мир с его абсурдностью и несправедливостью, автор побуждает читателя свободно жить «подлинным существованием», творчески, самостоятельно и со всей ответственностью преодолевать «пограничные ситуации» на основе адекватных современности принципов справедливости.

ВЫВОД

Философски осмысливая существование современного человека в рамках техногенного социума, этика экзистенциализма акцентирует внимание на свободе творческого самовыражения отдельной личности. М. Хайдеггер указывает, что естественные науки активно инициируют прогресс в области инновационных технологий, однако для них остается закрытой сущностная «потаенность» бытия. Поэтому, сталкиваясь с побочными негативными по-

следствиями ускоренной техногенной динамики (экологический кризис, мировые войны, рост конфронтации и т. п.), ни физика, ни математика не способны предложить человечеству эффективные пути их преодоления на основе универсальных принципов справедливости. В этом состоит предназначение этики и философии. Ж. П. Сартр показывает, что подлинное существование в пограничных ситуациях, имеющих в настоящее время по преимуществу техногенный характер, требует от каждого индивида свободной творческой активности, самостоятельного переосмысления адекватных современности критериев справедливости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер, М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб., 1998. – 301 с.

2. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М., 1993. – 447 с.

3. Beaufret, Jean. De l'existentialisme a Heidegger / Jean Beaufret. – Paris: Vrin, 1986. – 182 p.

4. Глосикова, О. Онтологические проекции эволюции природной и социокультурной реальности / О. Глосикова // Наука – образованию, производству, экономике // Материалы 2-й междунаро. науч.-техн. конф.: в 2 т. – Минск: БНТУ, 2004. – Т. 2. – 419 с.

5. Сартр, Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж. П. Сартр // Сумерки богов. – М., 1989. – 398 с.

6. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: сб. / М. Хайдеггер. – М., 1991. – 192 с.

7. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – М., 2000. – 639 с.

8. Sartre, Jean Paul. Colonialism and neocolonialism / translated by Azzendine Haddour, Steve Brewer, Terry McWilliams / Jean Paul Sartre. – London; New York: Routledge, 2001. – 200 p.

9. Сартр, Ж. П. Что такое литература? Слова / Ж. П. Сартр. – Минск, 1999. – 448 с.

Поступила 6.06.2006

УДК 332.7

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПОРТФЕЛЕМ НЕДВИЖИМОСТИ

Докт. пед. наук, проф. ВОЛОДЬКО В. Ф., асп. ЛЯШЕНКО В. В.

Белорусский национальный технический университет

Актуальность и практическая значимость таких проблем, как формирование портфеля недвижимости, управление эффективностью инвестиций в недвижимость, обусловлены развитием рынка недвижимости и необходимостью поиска новых активов для инвестирования на финансовом рынке. Институциональные инвесторы, рассматривая недвижимость как актив, который занимает определенное место в портфеле инвестиций, включают недвижимость в агрегированные портфели, так как доходность этого актива находится в противофазе по отношению к доходности традиционных финансовых активов.

Управление инвестициями в недвижимость связано с проблемами, которые требуют теоре-

тических разработок и имеют большое значение для профессиональных инвесторов, поскольку рынок недвижимости в Республике Беларусь развивается достаточно быстро и многие проблемы инвесторы вынуждены решать как бы «вслепую». Создавшаяся ситуация во многом объясняется тем, что недвижимость исторически рассматривалась только как фактор производства, имела только потребительскую стоимость (полезность) и длительное время не рассматривалась как объект для инвестиций. Поэтому проблеме формирования портфеля инвестиций в недвижимость необходимо уделить надлежащее внимание.

Инвесторы заинтересованы в использовании собственных фондов для получения устойчи-